СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владислав Тихонов

НАСЛЕДСТВО ОДЕРЖИМОГО

Владислав Тихонов

Наследство одержимого

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Тихонов В. Г.

Наследство одержимого / В. Г. Тихонов — «ЛитРес: Самиздат», 1999

В основу романа положены реальные события, произошедшие в начале 90-х годов прошлого века. Странное письмо с неожиданным известием, старинный особняк, заброшенная церковь в покинутой деревне... И жизнь скромного школьного учителя, в один миг перевёрнутая с ног на голову. Внимание, роман может оскорбить чувства верующих!Содержит нецензурную брань.

© Тихонов В. Г., 1999
© ЛитРес: Самиздат, 1999

Содержание

Глава нулевая 6
Глава первая 9
Глава вторая 12
Глава третья 13
Глава четвертая 17
Глава пятая 19
Глава шестая 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Частенько люди, опасаясь сил зла, с тревогой всматриваются вдаль: не покажутся ли они откуда? Глупцы! Они не видят, что зло угнездилось под самым их носом, в их собственном доме.

(Неизвестный китайский автор)

Глава нулевая

…Он с трудом воспринимал окружающее. Неясные, подернутые кровавой дымкой, мучительно-бредовые образы преследовали его. Отчетливо осознавалось только одно: его поймали, поймали эти нелепые, ничтожные создания…

Ярость кислотой жгла его изнутри, но, уверенно чуя смертельную опасность, внешне он оставался равнодушным, почти тупым. А в голове проносились дикие крики, темные заснеженные улицы, стреляющие фигурки в пятнистых комбинезонах, визг тормозов и кровь, кровь повсюду, бесконечные потоки крови. Дальнейшее помнилось хуже: холод наручников, темные пустые коридоры, комнаты с вытертыми казенными обоями, людишки, задающие ему какие-то нелепые вопросы, тычущие в лицо какими-то бумажками, и снова – коридоры, коридоры… Кажется, он не произнес тогда ни слова. Да и что ему было сказать презренным тварям?

Того, что произошло после, он не помнил тогда вообще, и у него начинались видения – теперь уже отчетливые, подробные: разрушенные дома, незнакомые лица, ядовито-зеленый туман, окутывающий их. И над всем этим – четкий силуэт церкви с льющимися из окон багровыми лучами. И неиспытанное доселе ощущение единства с некоей Силой – великой, грозной, непознаваемой…

Затем пришел голос. Вернее, это был даже не голос, а наставления, сами собой рождающиеся в мозгу. Он жадно внимал им, и ликование наполняло его холодное сердце. Теперь он знал, что ему нужно делать. Он отчетливо представлял все, что предстоит совершить, и его массивное тело радостно впитывало в себя золотисто-серое сияние, разливавшееся перед мысленным оком…

* * *

– Ну что, прапорщик, пошли двести сорок пятого проверять? «Приказано держать на особом контроле»… – старший лейтенант Игнатюк встал, перекинул через плечо «калашникова» и выжидательно уставился на прапорщика Бондарева. Толстый прапорщик, с явным усилием извлекши зад и брюхо из щели между стулом и столешницей, неспешно замял в пепельнице окурок, порывисто поправил врезавшуюся в живот портупею и, вынув из висячего шкафчика объемистую колючую связку ключей, враскачку потопал к выходу из караулки. Лейтенант зашагал вслед и немного вправо – как того требовали инструкции заведения СПБОС-2/12.

Уже полтора года как Игнатюк, согласно особому распоряжению, нес службу в этом странном заведении. О его существовании знали весьма немногие. СПБОС, или Специальная Психиатрическая Больница Особого Содержания, являлась филиалом некоего таинственного института. О том, чем занимался этот институт, Игнатюк знал лишь понаслышке и в самых общих чертах: охранники СПБОСа не входили в круг особо информированных. Да Игнатюк этим и не тяготился. В СПБОСе находились кровожадные мерзавцы со съехавшей крышей, которых старлею приказано было охранять – и этого довольно. Хотя – что греха таить – всю содержащуюся здесь публику старлей с удовольствием бы перестрелял… хотя б из соображений гуманности. Игнатюк знал, что заключенные-пациенты СПБОСа периодически оказываются за бронированными стенами угрюмых лабораторий, и то, что проделывают там над ними безликие личности в голубых комбинезонах… Да, уж лучше было бы просто пустить психам по пуле в лоб.

Пройдя длинный тускло освещенный коридор, стражники остановились перед одной из массивных стальных дверей. Бондарев щелкнул выключателем на стене и, лязгнув круглою задвижкой, прильнул к глазку.

– Порядок, лежит-бльн, гнида!

Игнатюк неторопливо набрал замковый код и кивнул прапорщику:

– Открывай.

Массивному прапору, конечно, не хотелось лишний раз заходить в камеру наблюдаемого № 245. Но инструкции есть инструкции, и потому – ворчи-не ворчи, раздувай ноздри-не раздувай, – а ключ в скважину и – сначала три поворота по часовой стрелке, затем четыре против и еще раз по часовой… Проделав эту операцию и флегматично берясь за тяжелую ручку мудреного замка, Бондарев, разумеется, не смог удержаться и не пробормотать начальнику:

– Обязательно-блын каждый раз-блын заходить! Да что-блын с этой сукой может случиться…

Игнатюк устало взглянул на прапорщика.

– Открывай, Бондарев, хорош выёживаться. Ты что, устав не знаешь?..

Находящегося в режиме особого контроля надлежало проверять каждые два часа. Мало ли что? Вдруг псих свой язык проглотил.

– … да он же прикован к своей койке! Так что, Бондарев, бояться нечего, – комично-назидательно произнес старлей.

– А я боюсь-блын? – раздулись налитые прапоровы щеки, – этого-блын урода? Да я таких, как он-блын, голыми руками кончал!

Отдуваясь, прапор справился, наконец, с хитроумным засовом. Положив руку на кобуру, он шагнул в камеру, залитую мертвенным светом зарешеченного плафона, примостившегося на низком потолке.

– Да лежит он, лежит-блын…

Бондарев стоял посреди тесной камеры, свысока глядя на низкую, привинченную к полу металлическую кушетку. На кушетке лежал человек, одетый в зеленую робу. Запястья его были схвачены блестящими зажимами, приваренными к краям его грубой кровати, а туловище крепко перевязано широким ремнем из просмоленного брезента.

Бондарев склонился над заключенным, тревожно всматриваясь в его лицо и прислушиваясь к мерному, чуть замедленному дыханию. Прапорщику было слегка не по себе…

Под желтушным светом тюремной лампочки лежащий походил на покойника. Но сходство это было весьма поверхностным, ибо если бледная физиономия трупа не выражает ничего, кроме опустошенного покоя, то лицо заключенного номер двести сорок пять несло на себе массу черт, не имеющих ничего общего ни с покоем, ни с опустошением. В складках между густыми сросшимися бровями притаилась угрюмая привычка к боли – как переносимой, так и причиняемой. Тонкая линия жестких губ изобличала холодную сдержанность, что откровенно противоречило страстным широким ноздрям прямого твердого носа. Большой прямоугольный подбородок пересекал наискосок старый, замысловатой формы рубец. Разметавшиеся по подушке давно не стриженные черные волосы придавали лежащему вид нездешний и почти варварский. Физические габариты номера двести сорок пятого тоже обращали на себя пристальное внимание. Еще бы! На вид – центнер мощнейшей плоти, и ни единого комка жира.

Осмотрев камеру и зачем-то дотронувшись до холодного наручника, Бондарев собрался было развернуться к двери, как вдруг…

– Что за дерьмо! Старлей-блын, иди сюда! – хрипло гавкнул прапорщик, не отрывая глаз от лица заключенного.

С заключенным творилось нечто невообразимое, чтобы не сказать хуже. Глаза его, доселе покойно прикрытые сероватыми веками, внезапно распахнулись и брызнули фиолетовыми лучами – казалось, вместо глазных яблок у него вживлены две мощные лампочки.

Вошедший Игнатюк застыл на месте. Рука его механически потянулась к предохранителю на автомате. Прапорщик, потея от страха, раскрыл было рот в попытке что-то сказать, как вдруг жуткий яростный рев заставил его подскочить на месте.

Рука, еще секунду назад намертво прикованная к кушетке, самым непостижимым образом освободилась. Хваткие пальцы мелькнули в воздухе и с чмоканьем вонзились в толстую спину прапора. Тот истошно заверещал, пытаясь кинуться вон, но не тут-то было. Раздался хруст, потная человеческая туша нелепо выгнулась, загребла ногами и тяжко грохнулась на бетонный пол, разгоняя по камере теплый запах кала и парного мяса…

Игнатюк, плененный ужасом, пялился невидящими глазами на огромную безобразную рану в бондаревской спине, откуда чудовищной силы рука выломала кусок позвоночника вместе с почками. Опомнившись, старлей вскинул автомат. Но раньше, чем палец успел коснуться курка, Номер двести сорок пятый одним движением разорвал свои оковы, молниеносно обрушился на лейтенанта и вырвал у него оружие. Затем, скаля белые квадратные зубы, вогнал «калашникова» Игнатюку в живот и трижды провернул.

Сквозь дикую завесу невыносимой боли, прежде чем навсегда погрузиться в небытие, старший лейтенант внутренних войск Павел Игнатюк рассмотрел радостного волосатого негодяя, махавшего, словно флагом, автоматом с намотанными на нем его, лейтенанта Игнатюка, рваными кровавыми кишками…

Глава первая

Назойливый звонок допотопного будильника «Слава», как обычно, разбудил Сергея в половине восьмого утра. Кое-как нашарив ногами ветхие тапочки и привычно проклиная все на свете, Сергей послушно потащился в ванную, из ванной – на кухню, где хорошо поставленный радиобаритон проникновенно заклинал:

«Как другу передать привет?
Как с днем рождения поздравить маму?
Как сделать так, чтоб каждый вас узнал?
Ответ простой: вам надо заказать у нас рекламу!
Звоните поскорей на радио «Сигнал»!

Привычно пропуская мимо ушей данный стихотворный шедевр, Сергей равнодушно проглотил кусок хлеба с мокрым ломтем докторской, смахнул со штанин крошки и направился в прихожую, где его ждали нечищенные ботинки, старенький зеленый плащ и дипломат с тетрадями и разными бумажонками – столь же ненужными, сколь и неизбывными…

Таково было утро Сергея Михайловича Федорова, школьного учителя истории, и утро это абсолютно ничем не отличалось от всех, ему предшествовавших.

Сергей Михайлович, известный среди учеников старших классов средней школы № 15 как просто «Серый», работал в этой самой школе вот уже скоро год. В федоровской судьбе не было ничего примечательного. Это была типичная судьба типичных обладателей синеньких педвузовских дипломов. Пахучих синеньких фетишей, преклонение пред которыми с младенчества вдалбливается работягами-родителями. Что ж, с грехом пополам Сергей заработал этот фетиш. Вот только что было делать с ним дальше? О школе, как и всякий нормальный выпускник педвуза, Сергей думал меньше всего. Воображение плело кружева самых обольстительных планов – от конкретной непыльной работы в местной газете до абстрактной, но тоже предельно непыльной и респектабельной деятельности, связанной с полумифической «преуспевающей фирмой». Сергей упивался этими мыслями, сотни раз проигрывал в мечтах варианты грядущей карьеры и… в конце концов сам не заметил, как оказался со своим зеленым плащом в пятнадцатой школе в качестве: а) предмета профессионального умиления стареющих педагогинь; б) тайной мишени ученических приколов и подлянок и в) – объекта реализации рабовладельческих замашек директора. После попеременного пребывания за день во всех этих качествах, к вечеру Сергей еле волочил ноги. Силы оставалось только на то, чтобы по дороге домой купить сигарет и чего-нибудь к ужину.

Так было и в тот день. Автоматически, ни о чем не думая, Сергей свернул в гастроном, купил батон и пачку «Космоса». Потом потоптался возле киоска, разглядывая пестрые рядки «сникерсов» и без особых эмоций производя привычные нудные денежные расчеты. Покончив с ними и ничего, разумеется, не купив, Сергей привычной дорогой направился к дому. Заходя в подъезд, он поздоровался с плотной компанией бессмертных приподъездных бабок, с утра оккупировавших старую зеленую скамейку. Бабки царапнули по нему глазенками и, не успел он скрыться за ободранной дверью, тихонько залопотали, строя привычные гипотезы относительно его семейно-бытовых дел.

С тех пор, как пять лет назад умерла его мать, Сергей жил совершенно один. Отца он не помнил: тот умер от воспаления мозга, когда Федоров-младший еще не научился ходить. Больше никого из родных Сергей не знал.

В свои двадцать восемь он был холост. Но не в том смысле, что свободен, а в том смысле, что одинок. У него не имелось даже подружки, которая, совмещая обязанности домработницы

и права «ночной няни», наладила бы ему бытовой и физиологический комфорт. Последняя из трех его «ночных нянь», пухленькая блондинистая особа с необычайно резким голосом, навсегда покинула скромную учительскую обитель где-то полгода назад. Сергей уже и сам запамятовал, как это произошло. Помнилось только, что перед тем как эффектно хлопнуть дверью, «ночная няня» что-то долго трещала ему о занудстве, бесхребетности, крохоборстве и сине-зеленых носках. Потом было несколько покаянных звонков на работу (как-никак, вместе с покинутым любовником уплывала и его «хрущевка»). Потом звонки без особых обоюдных мучений как-то прекратились, а покинутый любовник вдруг поймал себя на том, что быть покинутым, пожалуй, не так уж и страшно – особенно, если тебя покидает такая вот… Только и остались на память о «такой вот», что китайский плакатик с курносыми котятами да круглое зеркальце, намеренно забытое на кухне…

Сергей направился к почтовому ящику, отомкнул его, извлек почту и уже собрался было в долгий путь на свой пятый этаж, как вдруг из газетного листа прямо ему под ноги выпал белый бумажный прямоугольник с печатями. Сергей тупо уставился на него, чувствуя, как шевелятся где-то какие-то предчувствия… Скорее дурные, нежели добрые.

Дело в том, что последние в своей жизни письма – от матери и пары-тройки школьных друзей – Сергей получил еще служа в армии. Но с тех пор прошло немало времени – мать умерла, друзья куда-то пропали… И теперь всякие корреспонденции ассоциировались у Сергея исключительно с чем-то случайным, официальным и не очень приятным. Например, с повесткой из милиции. Или посланием из домоуправления. Хотя никаких особенных грехов Сергей за собой не знал и по коммунальным счетам платил весьма аккуратно, казенных учреждений он издавна побаивался и дел с ними предпочитал по возможности не иметь.

Из тревожной и робкой задумчивости Федорова вывел грохот квартирной двери за спиною и булькающий бодрящийся голос:

– Здоррово, сосед. Как жисть молодая? – пенсионер дядя Лёша, «алкаш Божьей милостью», как называла его соседка тетя Валя, громыхая пустыми бутылками в пакете, шумно вывалился в подъезд.

– Здрассьте, Алексей Гаврилыч. Ничего. Живем помаленьку, – кое-как пробормотал Сергей, задумчиво косясь на пол.

– О, глянь, письмо уронил, – сказал дядя Лёша и, снедаемый никчемным любопытством, вдруг неожиданно ловко нагнулся за конвертом, сложив пополам рюкзачное брюхо.

– Вот. Хвёдо-рову Серь-гею Му-хайловичу. Тебе, значить. Пляши, студент! – и дядя Лёша, вполне довольный этой репликой, похохатывая и сопя загрохотал вниз по лестнице.

Сергей некоторое время зачем-то смотрел ему вслед. Потом он снова вложил злополучный конверт между газетных страниц и продолжил прерванный путь в свою квартиру.

* * *

«…Настоящим вы уведомляетесь в том, что Федоров Андрей Николаевич, являющийся Вашим дедом со стороны Вашего отца, Федорова Михаила Андреевича, скончался естественной смертью 13 сентября 1992 года… Согласно порядку наследования имущества, а также завещанию покойного Федорова А. Н., Вы объявляетесь единственным наследником имущества покойного, представляющего собой дом каменной кладки, двухэтажный, с надворными постройками, расположенный по адресу: Бредыщевская область, Октябрёвский район, деревня Осины, дом шесть». Подпись. Печать…

Оторопевший Сергей не верил своим глазам. Двухэтажный каменный дом? Единственный наследник? Деревня Осины? Но, позвольте, откуда все это взялось?! Откуда, наконец, взялся этот загадочный новопреставленный дед?

Сергей еще ребенком докучал матери расспросами, почему у него нет бабушки и дедушки. И мать рассказывала, что сама она выросла в детдоме и своих родителей не помнит; про родителей же отца всегда отвечала нечто маловразумительное. Умерли, мол, в войну, когда ее и на свете-то не было…

А теперь оказывается, что все это была неправда! Дед со стороны отца не только благополучно дожил до середины прошлого месяца, но и завещал Сергею свой особняк, безусловно зная о существовании внука. Почему же дед никогда не заявлял о себе? Что это – какая-то тайная семейная неприязнь? Может, родители отца были против его женитьбы на матери? Ну да, скорее всего, так оно и было. А мать – видимо, в отместку, – говорила сыну, что родители его отца умерли. Да, здорово, видать, не поладила она со стариком…

Придя к такому хоть и натянутому несколько, но зато легко объясняющему все выводу, Сергей в десятый раз перечитал извещение, и мысли его приняли вполне определенное и весьма приятное направление.

«Дом-то каменный, двухэтажный… Интересно, во сколько его оценили? Можно будет там дачу устроить, ездить в отпуск, отдыхать. Рыбалка, грибы, то да се… Или махнуть на все и уехать туда насовсем. Хрен с ней, с этой школой. Возись за гроши с дебилами! А там наверняка свое хозяйство можно завести. Коровы-свиньи, мясо-молоко… Заживу, как фермер. Не, как помещик… Но сначала надо отпуск взять…»

Новые мечты о прекрасном будущем подействовали усыпляюще, и скоро новоиспеченный фермер-помещик, уронив письмо на коврик, безмятежно чмокал пухлыми губами, ныряя в самые оптимистические сны…

Целую неделю Сергей настраивался на разговор с директором, встречая с тайной радостью каждую помеху на пути к осуществлению этой затеи. Начальника своего Сергей Федоров не то, чтобы боялся, но испытывал перед ним такую неловкость, что тут же начинал стыдиться собственного голоса – настолько, что директору приходилось переспрашивать. Сергей, чувствуя, что доставляет ему этим самым неудобство, начинал стыдиться еще больше и вместо того, чтобы коротко и ясно излагать суть дела, принимался извиняться неизвестно за что. Так было всегда при встречах. За глаза же, а особенно наслушавшись приватных разговоров в учительской, Сергей вполне отчетливо директора ненавидел. Иногда на него снисходило даже обидное прозрение насчет собственной роли в глазах этого сутулого кабинетного тирана. Но дальше констатации своей ущербности дело у Федорова не шло. Стоило ему завидеть эмалированную дверную табличку с надписью «ДИРЕКТОР», как все едва проклюнувшиеся амбиции тут же уступали место старинным школярским рефлексам. Для начала Сергей пугался собственной прямоты в спине и входил в страшный кабинет сутулясь не хуже директора, потом начинал мямлить и оправдываться.

Так вышло и на этот раз – с той только разницей, что оправдываться и стыдиться своих намерений пришлось имея все к тому основания, ибо Сергей Федоров действительно озаботил и разозлил своего директора.

– … какое наследство?! Какой там отпуск за свой счет?! Вы что, все сговорились, что ли?! Пашникова в декрет ушла, Комаренко на курсы поехала, Зинаиду Юрьевну на пенсию проводили (ну, это ладно)… Вы что, решили вообще школу оголить?! Совесть надо иметь, товарищ Федоров. Такой молодой, а уже…

Незримо корчась от собственной подлости, Сергей выполз в коридор и там обиделся. И на что он только, дурень, рассчитывал? Как можно было забыть, с кем имеешь дело?! Кстати, о наследстве теперь тоже придется забыть до лета… И Сергей утешился невинным развлечением: представлял себе свое «поместье» в разные времена года, с разным хозяйственным обустройством, но неизменно приносящим доход и связанные с ним приятные хлопоты…

Глава вторая

Полковник Беленький, стискивая зубы от раздражения, опять и опять перечитывал отчет. Честное слово, он так и знал, что этим все и кончится!

С самого начала он был против того, чтобы передавать проклятого маньяка в руки этих умников из НИИ для их дурацких экспериментов. Слишком много времени и сил было потрачено на отлов этого сукина сына. И вот пожалуйста: эти недоумки умудрились позволить ему сбежать!! Официально-то этот тип давным-давно расстрелян… И если об этом станет известно… Беленький крепко смял в кулаке скрипнувшую целлофаном коробку из-под английских сигарет. Яркий, мерзкий, зажигательный скандал замерещился полковнику во всех деталях. И самыми гадкими были среди них были влажно сверкающие гляделки газетных и телевизионных гиен. Полковник почти физически ощутил, как с его плеч прямо на паркет сыплются полковничьи звездочки. Как же! Отдуваться-то за этих головастиков из НИИ опять придется не кому-то, а ему – полковнику Виктору Николаевичу Беленькому!

Задавив дрожащими пальцами окурок в обсидиановой пепельнице, полковник Виктор Николаевич Беленький раскрыл тисненую кожаную папку. Папка эта содержала сведения о самых лучших… Перебирая плотные листы, полковник одного за другим браковал тех, кому, казалось бы, вполне можно было поручить столь деликатное дело. Папка была пролистана почти до конца, когда, наконец, полковник надолго остановил свой взгляд на очередной анкете. С глянцевой фотокарточки безразлично взирало на Беленького чуть полноватое лицо светловолосого мужчины лет сорока «без особых примет». «Вот то, что нужно, – подумал Беленький и как будто немного успокоился, – этого типа я знаю и этот тип со всем справится». Потянувшись к телефону, он еще раз покосился на фотографию. «Прощай… рожа!» – табакерочным чертом скакнуло в полковничьем мозгу.

Глава третья

Без четверти семь Любовь Захаровна разогнула широкую поясницу и, сдвигая со лба влажные пряди пегих красновато-седых волос, окинула усталым взором картофельные ряды. Нет, не успеть, видно, сегодня закончить…

– Ксень! Там «Мария» еще не началась?! – крикнула она через забор соседке, с ведром в руках выходящей из летней кухни.

– Не, семнадцать минут еще! – отозвалась пунктуальная Ксения, плеща помоями на компостную кучу.

Любовь Захаровна уперла руки в бока и несколько раз попробовала выгнуться. О-ох, и наломалась за день! С самого утра – уборка, стирка, огород, кухня… Ну, разве что посидела-поболтала сполчасика у калитки с Ксенией, а так – весь день в трудах. Вот тебе и отдых на пенсии! Видно, чем больше дел переделываешь, тем больше их остается… А завтра еще сын со снохой приедут, внуков привезут. Надо будет тесто поставить, ребятишкам булочек с повидлом настряпать, сладеньких, а то отощали совсем, будто сноха их не кормит – разве это дело? Любовь Захаровна еще раз с кряхтением потерла спину, подняла с земли тяпку и, шлепая стоптанными тапками, направилась к дощатому сарайчику, крытому посеревшим от времени толем. В это время стукнула калитка, впуская Юрия Ивановича с болоньевой сумкой в руках. В сумке угадывались очертания трех или четырех бутылок – как-никак, сын с семьей приезжает, святое дело! Юрий Иванович вошел в дом, поставил звякнувшую сумку на тумбочку в сенях, и через минуту за тюлевым окошком в комнате засветилось синее пятно телеэкрана. Слушая впол-уха окончание «Новостей», Юрий Иванович развернул «Советскую Россию» и привычно насупил клочковатые брови…

Углубившись в статью об экспансии международного капитала, тихо негодующий Юрий Иванович не замечал, как летит время. «Новости» давно кончились, мексиканские кинострасти сменились назойливой рекламной паузой – кстати, уже второй по счету… А где же Люба? Обычно не оторвешь ее от этой дурацкой «Просто Марии», а сегодня ходит невесть где… Не иначе, как с огорода ушла к соседям да там и осталась смотреть свою «Марию». Ну ладно, мексиканцы-мексиканцами, а как же ужин? И Юрий Иванович, не долго думая, выключил телевизор и, бормоча дежурную матерщинку, вышел из дому. Но раньше чем он подошел к калитке, взгляд его упал на раскрытую дверь сарайчика. Ах ты ж, вредительница! Оно, конечно, кругом все свои, но все-таки мало ли что…

Прежде чем навесить замок, Юрий Иванович машинально заглянул внутрь сараюшки. Вдоль бревенчатой стены грубо, но не без системы был навален садовый инвентарь. Чуть поодаль стояли ящики из-под рассады, старая газовая плита и пять больших фанерных листов. Шестой почему-то лежал на полу, прикрыв собою несколько банок с известью и карбофосом. Юрий Иванович совсем уже было собрался запереть обитую рыжим дерматином дверь, как вдруг остановился… Его тусклые глаза стеклянно пялились на предмет, видневшийся из-под опрокинутого листа. То была грязная, стоптанная тапочка – но не просто так, а явно надетая на ногу… На холодеющих стопах шагнул Юрий Иванович через порог, взялся обеими руками за фанеру, откинул ее и застыл с распахнутой челюстью.

На бетонном полу, среди банок, досок и грязи, лежала скрюченная Любовь Захаровна. Ее голова была неестественно повернута набок, а посиневшее лицо перекошено кошмарной гримасой. Из угла фиолетового рта стекала тягучая багровая струйка; пузырилась вокруг головы багровая липкая лужица. Другая лужица – длинная, прозрачная, начиналась где-то под цветастым подолом халата, под полусогнутой ногою, и расползалась извилисто по шершавому серому полу… Все тело Юрия Ивановича охватили спазмы – разве что глаза работали, скользя

по изуродованному лицу жены и то и дело останавливаясь на выпученном глазном яблоке с прилипшей к нему сухою травинкой.

Наконец, Юрий Иванович, смутно понимая, что надо что-то делать, куда-то бежать, робко отступил назад и поднял голову, но вдруг из противоположного угла темной сараюшки прямо ему в зрачки ударили два ярких фиолетовых луча… В следующую секунду окаменевший Юрий Иванович увидел, как откуда-то из-за кучи пыльного хлама совершенно бесшумно – ничего не опрокинув и, кажется, даже не задев, – выскочило здоровенное человеческое существо в зеленой робе. В правой лапе существо держало косу с поломанным черенком, а левая была вытянута ладонью вперед. И Юрий Иванович, полуослепнув от фиолетового свечения, неожиданно почувствовал невозможную зависимость от этой самой вытянутой ладони. Все его органы словно парализовало, и только эта чужая властная рука могла сообщать им волю к движению. Но она не сообщала… Клочки самых разных мыслей проносились в голове Юрия Ивановича. Вернее же всего вспоминался ему недавний сон про то, как он переходил дорогу и его ноги, отказываясь слушаться, прилипли к асфальту. А грузовик все ближе, ближе… Отвратительный сон! Между тем ужасная ладонь внезапно сделала резкое движение, и Юрий Иванович завертелся на месте, словно послушный волчок. А его мучитель, весело оскалившись, поднял другую руку, с косой, и без видимого усилия хватил по живому волчку зазубренным лезвием. Удар пришелся точно по середине живота: Юрия Ивановича рассекло надвое. Верхняя его часть, разбрызгивая кровь, отскочила к ящикам из-под рассады, а ноги в синих брюках, свершив жалкое дискотечное па, подкосились возле порога…

…Он просидел в сарае с трупами до темноты. Потом осторожно выбрался из своего убежища, нашарил в траве у порога замок, навесил его на дверь и – кошачьим шагом, невидимый никому, скользнул к дому: надо было запастись кое-какими необходимыми вещами. Ну, и деньгами, желательно. Открыв дверь в сени, он смело включил свет. В сенях не было ничего интересного. Зато в проходной комнате стоял старый желтый шкаф с целой кучей одежды. Правда, подобрать что-нибудь по себе ему было очень трудно. В конце концов пришлось остановить выбор на старом черном свитере, который некогда носил сын Юрия Ивановича. Свитер был порядочно растянут, но торс нового хозяина обхватил плотно, словно вторая кожа. Со штанами оказалось сложнее. В желтом шкафу, конечно же, нашлись брюки, и не одни. Но все это было такое смешное барахло, что грабитель не глядя отшвырнул его в сторону. Однако, перерыв для верности еще раз содержимое желтого шкафа, он нашел в углу заношенные синие джинсы, которые хоть и с треском, но все-таки налезли на него. Удовлетворившись своими находками, грабитель оставил платяной шкаф и занялся бурым полированным сервантом, из дверцы которого гостеприимно торчал блестящий круглый ключик. Вскоре на пол посыпались какие-то старые лекарства, мятые картонные коробочки, пуговицы, ломаные карандаши, желтые газетные вырезки, катушки ниток… На нижней полке нашлась небольшая пыльная коробочка, сработанная из цветастых открыток. На дне ее топорщилось несколько бумажек, как всегда отложенных Любовью Захаровною «на хозяйство». Немного, но и на том, как говорится, спасибо – грабитель снисходительно ухмыльнулся и пошел на кухню. Там взял кое-что из съестных припасов и сжег в печке-голландке свою забрызганную кровью зеленую робу. Этот акт он проделал с тем особенным удовольствием, что так знакомо всякому бежавшему узнику.

Теперь бывший заключенный номер двести сорок пять свободен. Кровь толстого Бондарева, низколобого Игнатюка, кровь растерзанного часового на КПП СПБОС`а, а теперь еще и этих двух никчемных обитателей планеты окончательно смыла позор его пленения. Он отомстил за свой проигрыш, и с этой минуты ничто больше не мешает ему. Перед его глазами в который раз возник силуэт черной церкви с багровыми отсветами в окнах. Он ощутил новый покалывающий прилив энергии и, нимало не заботясь о заметении следов, выбрался из ограбленного дома.

Патриархальная темнота мертвой июньской ночи безраздельно владела поселком. Бывший Номер двести сорок пятый шел по центральной улице, где из каждых десяти фонарей горел только один и в окнах большинства домов не было света – невидимость и безопасность были полные.

Он участил шаги, и вскоре посапывающий во сне поселок остался позади. Белая луна со слизанным боком вышла из-за облака и теперь блекло освещала широкую кривую дорогу. По левую сторону от нее поблескивала близкая река, по правую громоздилась белесоватая стена березовой рощи. Он прошел еще несколько метров и прислушался. В безветренном воздухе, заглушая плеск речной воды, раздавались неясные голоса и повизгивающий смех. Между призрачны ми стволами берез светился далекий костерок. Путник свернул с дороги и вошел в рощу, не спуская глаз с этого желтого маячка. Скоро он различил возле него человеческую фигуру, темный горбик палатки, а немного в стороне – автомобиль, чуть поблескивающий в свете костра. Бесшумно двигаясь между деревьев, путник быстро достиг края поляны, на которой расположился маленький лагерь, и укрылся за темным кустом. Отсюда было хорошо видно все, что творилось на поляне. Вот к костру приблизился мужчина с охапкой березовых сучьев в руках. А вот женщина – она вышла из палатки, держа под мышкой свертки с едой и длинную светлую бутылку, затем поставила все это на складной столик возле костра. Негромко переговариваясь и смеясь, мужчина и женщина начали выпивать и закусывать.

Бутылка была почти пуста, когда из палатки высунулись две детские головы. Женщина замахнулась на них бутербродом: «А ну, живо спать!», и головы, капризно препираясь, полезли назад в палатку. Наблюдая за поздним ужином на поляне, бывший узник СПБОС-2/12 тоже почувствовал голод. Но то был совершенно особенный голод… Тем временем женщина встала из-за стола и, дожевывая на ходу, нетвердыми шагами пошла прочь от лагеря. «Давай провожу!» – гоготнул вслед мужчина. «Да иди ты!..» – в ответ хихикнула она и направилась в сторону кустов, за которыми прятался невидимый гость. Пройдя в пяти метрах от него, женщина свернула в неглубокий овраг и исчезла там ненадолго.

Словно упрямая резкая пружина развернулась внутри бывшего «Двести сорок пятого». И раньше, чем женщина успела выбраться из оврага, он бесшумно свалился на нее, схватил одной рукою подбородок, а другой – стриженый затылок и резко с поворотом дернул. Раздался хруст…

Затем он крадучись обогнул поляну и засел за палаткою, наблюдая, как мужчина допивает водку и длинной палкой ворошит угольки в костре. В палатке слышалась возня: две девочки, упорно не желая засыпать, рассказывали друг дружке бестолковые анекдоты, шуршали припрятанными кульками с печеньем, били комаров и давились со смеху. Судя по голосам, одной было лет девять, другой – около тринадцати.

Мужчина подложил в костер сучьев и подошел к палатке – видимо, намереваясь достать новую бутылку. Но не успел он взяться рукою за полог, как оказался сбитым с ног. Потом его оттащили в сторону, и неумолимые лапы своротили ему шею так же быстро и ловко, как незадолго перед этим – его жене. Сестры в брезентовом домике сначала притихли, потом дружно высунулись наружу… но понять так толком ничего и не успели. Огромный незнакомый человек, выскочив из темноты, схватил старшую за волосы, метнул к себе и придушил. Младшая, опомнившись, заверещала на весь лес и кинулась было бежать, но чудовище в два прыжка настигло и ее…

Костер догорал. Надо было бы подбросить хворосту, но экс-заключенному СПБОС`а не хотелось отвлекаться. Убийца был занят нетрудной, но кропотливой работой. Вооруженный найденным в палатке охотничьим ножом, он разделывал старшую девочку. Начал с головы – сорвал скальп, обнажил череп, затем, ударяя по рукояти ножа тяжелым камнем, расколол череп, словно костяной аппетитный орех. Мозг аккуратно выложил в стоявшую тут же чистую кастрюльку. Этот деликатес он съест в свежем виде – любая готовка его просто испортит. Потом

со сноровкой насильника рванул на девочке рубашку – так, что полетели пуговицы, – и провел по животу быстрый, уверенный вертикальный надрез. Погрузив руки в детские внутренности, людоед нашарил и выдернул из теплого хлюпающего нутра еще одно лакомство. Печень… Он приготовит ее по собственному рецепту – натрет солью и зароет в горячие угли. Что может быть лучше нежной детской печени? Но остальному мясу он тоже не даст пропасть. Легко перевернув истерзанную девочку на спину, людоед сорвал с нее оставшуюся одежду и снова взял в руки нож. Хорошие бедрышки, пухленькие. Наверное, питалась одними сладостями – дети любят сладкое, паршивцы… Адский гурман взмахнул ножом и отсек половину ягодицы – свежатинка на первую пробу.

Соль, перец и даже масло нашлись тут же, в палатке. Раздув хорошенько огонь, людоед подвесил над ним наполненный детским мясом котелок, но предварительно опрокинул в него, поразмыслив, бутылку пива, о которую чуть не споткнулся, шаря по палатке в поисках специй. Пока ужасное кушанье булькало, пуская ароматные пары, бывший узник СПБОС`а срезал мясо с девочкиных ляжек – он решил испечь его на углях вместе с печенью…

Сытая истома овладела людоедом. Полуприкрыв глаза, он смотрел на трупик младшей девочки. Трупик валялся лицом к огню – целехонький, но уже не такой аппетитный. Ничего, разберемся с ним завтра… Постепенно и трупик, и костер заволокло приятным туманом, и людоед задремал – сначала без снов. А потом знакомое золотисто-серое сияние забрезжило у него перед глазами, побежали давние картинки – люди, снег, кровь… И вдруг – церковь. Он никогда не видел ее наяву, но она была знакома – по недавнему сну в двести сорок пятой камере СПБОС`а. Белая церковь с черною крышей, из окон струятся красные лучи. И властный, неслышимый, но незаглушаемый голос – он зовет, зовет, зовет…

Глава четвертая

К лету Сергею удалось скопить что-то около пятнадцати тысяч. Правда, это превратило привычную федоровскую бережливость в подлинную аскезу, но, как и всякий прагматический романтик, Сергей переносил ее довольно легко, щедро угощаясь мечтами о грядущих «тихих деревенских радостях».

Итак, со средствами для предстоящего путешествия особых проблем не возникало. Сложнее дело оказалось с местоположением деревни Осины. Однако и тут Сергей не растерялся – провел целый день в библиотеке над картами и вскоре выяснил, что главное – добраться до города Бредыщевска, а оттуда уже на электричке, по извилистой пригородной ветке, до искомой деревни, – легко и быстро…

Билеты до Бредыщевска и обратно были куплены почти без проблем. День был добросовестно потрачен на закупку в дорогу всего необходимого, еще день – на упаковку большой дорожной сумки. И вот, наконец, ранним июльским утром учитель истории Сергей Михайлович Федоров вышел из подъезда своего дома, чтобы вступить во владение каменным двухэтажным особняком…

Трое суток до Бредыщевска Сергей валялся на полке, читал журналы, купленные в грязноватом привокзальном киоске, отгадывал кроссворды и играл с вагонными соседями в дурака – вечную игру всех вынужденных железнодорожных бездельников.

В целом путешествие прошло довольно гладко, если не считать обычного страха перед поездными ворами да колик и легкого несварения от бесконечных крутых яиц, рыбных фрикаделек в томате, гадкого чая, отдающего хлоркой, и прочих элементов добродетельной железнодорожной диеты.

Пасмурным утром четвертого дня заспанный похмельный проводник ссадил Сергея на перроне славного города Бредыщевска. Так закончился первый этап пути. То, что он окажется самым отрадным и благополучным, Сергей тогда знать не мог…

Отрада и благополучие сошли на нет уже на бредыщевском вокзале. Вопреки ожиданиям Сергея, электрички, которая домчала бы его до станции Осины, не оказалось в принципе. И сколько ни изводился странствующий домовладелец, сколько ни ныл над окошечком справочного бюро, а узнать, как добраться до пресловутой деревни, ему так и не удалось. Да что там! Многие вообще впервые слышали про такой населенный пункт…

Но особенно поразил Сергея какой-то опрятно одетый старичок. Услышав вопрос об Осинах, почтенный пенсионер сначала со страхом уставился на Сергея, затем широко раскрыл рот – видимо, собираясь что-то сказать, но тут же передумал, захлопнул стертые челюсти и, развернувшись на 180 градусов, быстро пошел прочь, время от времени оглядываясь, – было похоже, будто он хочет убедиться, что Сергей не идет за ним. «Идиот какой-то,» – решил для самоуспокоения Сергей и устало опустился на изрезанную скамейку.

В путешественнике росло вполне понятное отчаяние. Ему уже начинало представляться, что никакой деревни Осины не существует, что он стал жертвой чьего-то отвратительного розыгрыша, и вот-вот откуда-нибудь из-за угла станционного сортира выглянет багровое хохочущее мурло. Чье? Ну, конечно же, Сашки Колесова, чьи милые выходки не раз доводили Сергея до тайных, горьких и беспомощных слез… И Сергея тотчас охватило знакомое мерзкое чувство – вот он выходит из школы, оглядывается, ускоряет шаг, но тщетно: уши буравит знакомый свист, и комок земли – весело, неумолимо и метко, – влетает ему между затылком и ранцем. И это еще только начало…

Сергей поежился, будто по его спине и вправду побежали холодные земляные комочки – предвестники гарантированного избиения. В ту минуту незадачливый учитель истории готов был признаться себе, что он боится и ненавидит своего давнего тирана-одноклассника все той

же детской бессильной ненавистью, и стоит тому появиться, как Сергей опять останется в дураках… Ну, нет, Сергей больше не останется в дураках!! Только появись, краснорожий ублюдок! Еще посмотрим, кого придется откачивать!! Но время шло, а краснорожий Колесов не появлялся.

Постепенно Сергей, все больше и больше погружаясь в трусливую тоску, понял, что самый лучший выход для него – все-таки не ждать предполагаемого противника, а оглянуться, ускорить шаг и побыстрее смыться с вокзала. Ну да, просто пойти в город и пове… селиться. Давненько он себе этого не позволял… И Сергей совсем уж собрался оставить в славном городе Бредыщевске большую часть своих дорожных накоплений, как вдруг…

– Не могу ли я чем-нибудь вам помочь? – раздался рядом неожиданный голос. Сергей вздрогнул, поднял голову и увидел прямо перед собою, а точнее, над собою, массивную фигуру мужчины лет сорока пяти. Незнакомец, внимательно и как будто дружелюбно улыбаясь, нависал над скамейкой и рассматривал Сергея. Он, разумеется, не имел ничего общего с Сашкой Колесовым, но от его улыбки Сергею стало не по себе.

И в самом деле, несмотря на, кажется, вполне доброжелательное лицо, мужчина выглядел как-то странно, чтобы не сказать подозрительно. Весил он по меньшей мере килограммов девяносто, и уже одно это заронило в шестидесятикилограммовом Сергее чувство, похожее на тревогу. Тем более, что, несмотря на столь примечательные габариты, незнакомец не был полужидким толстяком. Скорее, он был похож на удачливого боксера-тяжеловеса, хохмы ради напялившего потасканный черный свитер и вытертые джинсы. Джинсы эти были заправлены в высокие грубые ботинки, какие Сергей видел лишь по телевизору, у «зеленых беретов»… Впрочем, навряд ли незнакомец был боксером. Боксеры не носят длинных волос, а у этого – густые черные патлы почти до плеч…

Сергей косился на улыбающегося незнакомца, и его тревога перерастала в привычную инстинктивную неуверенность, какая возникала у него всякий раз, когда он чувствовал, что имеет дело с человеком, объективно более, чем он, приспособленным занимать лишнее место на Земле. Глаза у учителя истории низенько забегали, не смея подняться выше уровня шеи страшного незнакомца. Правда, иногда, несколько осмелев, они останавливались на его подбородке, украшенном броским кривым шрамом. О том же, чтобы ответить на заданный вопрос, не было и речи. Наконец, собеседник соскучился и как будто сжалился над Сергеем:

– Я слышал, Вы тут расспрашивали про деревню Осины. Не знаете, наверное, как туда добраться?..

– А Вы знаете? – хрипло мяукнул Сергей и вмиг сжался, будто ожидая наказания за этот непочтительный ответ вопросом на вопрос.

Наказания, впрочем, не последовало:

– С автовокзала езжайте сто пятым автобусом до Больших Холмов, а оттуда – пешком, в сторону Октябрёвки, километров шесть-семь. И будут Вам Ваши Осины. У меня у самого там знакомые обитают…

Сергей хотел поблагодарить незнакомца, но вдруг что-то заставило его еще ниже опустить глаза. Он тут же поднял их, но перед ним уже никого не было. Неожиданного подсказчика словно сдуло.

Глава пятая

На автовокзале Сергей выяснил, что до села Большие Холмы действительно ходит пассажирский автобус номер сто пять – слова эти прозвучали для него как музыка. Еще больше музыкальности было во фразе кассирши: «Следующий – через десять минут», так что Сергей, выгребая из черной пластмассовой тарелочки билет и сдачу, едва не растерял их дрожащими радостными руками. На автобусной площадке было немноголюдно. Несколько старух с линялыми рюкзаками, потертая немолодая чета, счастливо обремененная турецким бахромчатым ковром с бредыщевского рынка, да небритый мужичонка в грязной синей бейсболке с полустертыми буквами «USA CALIFORNIA». Сергей вскользь оглядел своих попутчиков: люди всё спокойные, явно местные – так не собраться ли с духом, не задать ли им пару вопросов насчет конечного пункта своего путешествия?

Небритый в бейсболке завозился и, доставая из кармана заношенного темно-серого пиджачка измятую коробку «примы», внезапно с привизгом чихнул. Сергей машинально обернулся.

– Будьте здоровы!.. Ещ-щё раз будьте здоровы… Да, из-звините, пожалуйста… Вы случайно не подскажете, смогу я отсюда добраться до деревни Осины? – отчетливой скороговоркой договорил учитель.

Мужичонка, прочихавшись, скорбно потеребил сплющенный нос, потом вдруг вредно ухмыльнулся и, затянувшись «примой», смачно плюнул прямо под ноги Сергею.

– Может, сможешь, а может – нет. Я откуда знаю?

Сергей ошарашенно попятился и услышал за спиною глуховатый старушечий голосок:

– А что тебе Осины-то?..

– Да дед у меня там жил, – простодушно ответил Сергей, обернувшись.

– Дед, говоришь… – старуха пристально и странно глядела на Сергея; даже не глядела, а разглядывала, точно некую подозрительную диковинку. – Ох, добраться-то сможешь. Только вот что ты там делать будешь?

– То есть как это – что? – округлил глаза Сергей.

– А вот так. Осины-то твои пустые стоят!

– Как понять – «пустые»?

– А вот так понять. Не живет там никто. Пустые они, заброшенные. Лет двадцать, как заброшенные…

К такому Сергей готов не был… Нет, в самом деле, что же это получается?! Первым делом вспомнился дед Андрей Николаевич, который умер этой осенью. И завещание – гербовая бумага, официальный документ и все такое. А еще – тот волосатый качок с его знакомыми, обитающими в Осинах… Почему же тогда старуха так противно смотрит, будто знает про Сергея нечто, о чем он и сам в силу глупости своей не догадывается?! Что же все это, наконец, такое?! Нет, грех жалеть силы и время, чтобы разобраться с этими Осинами!

Увлекшись подобными мыслями, Сергей едва не проворонил автобус. Войдя в него, он сел на свободное место рядом с небритым мужичонкой. И пока пропыленный раздолбанный «ПАЗ» отсчитывал ухабы до Больших Холмов, Сергей вполне нашел общий язык со своим соседом. Звали его Эдиком. Работал Эдик в Больших Холмах сторожем картофельного склада, дорогу до Осин знал. А что до слов старухи насчет того, что деревня будто бы пустует, то он их полностью подтверждал.

Первые глотки из бутылки портвейна, извлеченной Эдиком из грязных недр его коричневого рюкзака, привели сторожа в благодушное и разговорчивое настроение. Блестя своими маленькими желтоватыми глазками, смакуя слова, он с небрежным видом человека сведущего говорил своему попутчику:

– Место нечистое, Осины эти. Мне еще батяня мой, покойничек-царстве-йму-небесно, говорил, чтоб я подальше от этих Осин держался. И народ всякое говорит, – Эдик забулькал портвейном.

– Какое «всякое» говорит народ? – осторожно полюбопытствовал Сергей.

– Ну, всякое… А вот то, что люди там пропадают, это есть самый фактический факт.

Сергей насторожился. Между тем Эдик отлип от бутылочного горлышка и продолжал:

– В позапрошлый год пастух вот пропал. Пацаненок вот у Галки из Октябревского сельмага пропал. А потом и она сама… Да вот, прошлой осенью, врач с города там сгинул. Тоже вроде тебя – все этими Осинами интересовался. Все выискивал там чего-то.

– Чего выискивал? – замирая, спросил Сергей.

– А хрен его знает. Все кружился вокруг этих Осин днем и ночью, днем и ночью, как муха над говном (хи-хи-хии-гогого!). Вот и докружился. Видать, нашел, хи-и, чего искал.

– Так что же, их и не искали, что ли, никого?

– Как не искали? Искали, конечно. Милиция с города понаехали, с собаками. Всю округу облазили, так ни хрена не нашли. Да и где им найти, менты – они и есть менты. Нигде правды не найдешь! Везде бар-рдак, везде ведь бардак! – под влиянием портвейна благодушная болтливость Эдика явно и нехорошо эволюционировала, – довели страну х.. знает до чего! Вот в газете писали недавно…

– А ты, Эдуард, сам как думаешь, куда они подевались? – поспешил перебить Сергей.

– А я сам ничего не думаю, – портвейн окончательно изменил свое действие: Эдуард помрачнел. – Я и знать ничего не хочу. Мне вааб-щще на все это наплевать. Разок съездил туда лет десять назад – хватило, накушался, блть, мерси! Мерси, чуть не помер!.. Вы люди ученые, вот вы и разбирайтесь, мерси!..

С этими словами он в очередной раз приложился к бутылке с видом, дававшим понять, что разговор окончен. Сергею очень хотелось узнать, что именно едва не послужило причиною смерти Эдика, но, подавленный его визгливой категоричностью, учитель отвернулся и уставился в автобусное окошко. Там с однообразною пестротой сменяли друг друга квадраты полей, лесочки, мелкие озерца. Где-то очень далеко на западе синеватой тучей поднималась горная гряда. Потом Сергей полез в сумку – не столько для того, чтобы извлечь оттуда пакет с подавленными истекающими помидорами, столько за тем, чтобы перебить наползавшую невыразимо гадкую неуверенность.

Куда?! Куда, в самом деле, он едет?! Что он там будет делать, в Осинах этих, краевед задрипанный? Вот он сейчас, имитируя солидно-осведомленный вид, изображая не то журналиста, не то следователя подбрасывает этому пьянице разные вопросики… Мм-да, – Сергей энергично и глубокомысленно потер свой лоб, – чем дальше, тем хуже. Кстати, про хуже… Ну да, кстати про то, что хуже всего… И как он проморгал этот отвратительный момент?!

– Слушайте… слушай, Эдуард! Эдуа-ард!

– У-у… Каво?

– А как там, в Осинах насчет… насчет… радиации?!

Эдик побормотал что-то в смеси сна и опьянения, пока, наконец, не выдохнулось перегарное, песьи-ворчливое, но весьма обнадеживающее:

– …п-про Ч-чернобыль, что ли?.. Да не-е, вроде стороной прошло, наш район не зацепило… Да тута не ат-том, тута… Х.. его знает что… – Эдик замемекал бессвязно, ныряя обратно в пьяный и тряский автобусный сон.

Сергей снова отвернулся к окну. «Наш район не зацепило»… Да, звучит обнадеживающе. Ну, так и обнадежимся! Легко и приятно верить в такие вещи, как отсутствие радиации, кто бы об этом ни поведал. Видимо, такова особенность нашей психики: защищаться, веря… Сергей увлекся этой мыслью – он любил «умничать» сам перед собою, это нередко отвлекало от навязчивых сомнений в собственнной состоятельности. Но сейчас «умничанье» не помо-

гало. Словно из подтекающего крана, дребезжала где-то, не переставая, тоненькая холодная струйка фальши. И Сергей не мог понять, где именно. Очевидно, фальшив был он сам – со своей хорошо симулируемой «проницательностью». Вот-вот она под собственной тяжестью сползет с него… И обнажится вялый, ни черта не понимающий, наивный городской тугодум! И пьяньчужка в синей бейсболке первым посмеется над ним. А может, он уже давно разгадал его и давно над ним смеется?? Бр-р-р…

Сергей не глядя сунул в рот раздавленный помидор. Он оказался больше, чем надо, его нельзя было сразу проглотить, и учитель буффонно раздул щеки, одновременно пытаясь как не подавиться, так и не прыснуть из губ струйкой кислого сока.

…А ведь с другой стороны – пьянчужка в бейсболке не менее жалок… И вообще – все может оказаться чушью! Все эти сельские аборигены так любят сочинять всякие байки, дабы привлечь внимание к своей глухомани… Скорее всего, никто в Осинах просто так не исчезал. Пить меньше надо. И «мерси, чуть не помер» – из той же серии. Пить надо меньше, и желательно – не тормозуху.

А до дедушкина наследства, – если оно еще есть, – добраться надо во что бы то ни стало. Конечно, судя по всему, задерживаться там Сергей не будет – так только, глянет на дом. Вдруг там осталось что-нибудь ценное… Хотя навряд ли. Такие, как вот этот вот, всё уже, небось, порастащили.

Учитель покосился на своего попутчика. Эдик уже давно разобрался с портвейном и теперь свистливо похрапывал, запрокинув покачивающуюся голову. Сальная бейсболка с надписью «USA CALIFORNIA» соскочила с нее, обнажив тусклую проплешину в окружении жиденьких рыжеватых косиц, и каталась по полу… Сергей почувствовал, что его тоже тянет в сон. «Ладно, там разберемся», – подумал он смыкая веки и тотчас начиная неумолимо крениться и сползать набок.

Глава шестая

– Эй, вставай, приехали!

Сергей открыл глаза. Эдик, уже выворотивший из-под сидения свой коричневый рюкзак и вернувший на место «калифорнийскую» бейсболку, теребил его за рукав. Сергей машинально взглянул на часы: было начало восьмого. Дорога до Больших Холмов заняла почти два часа.

Площадка, на которой остановился «ПАЗ», была заасфальтирована. Прямо от нее под горку убегала улица, застроенная однотипными шлакоблочными коттеджиками. В конце улицы среди зелени поблескивала цинковая луковка сельской церквушки. Чуть правее, за рощицей серебристых тополей, виднелись какие-то агропромышленные постройки и кусок поля, засеянного подсолнухами. Вечерело, подступали приятные, теплые июльские сумерки. Опускающееся за спиной у Сергея солнце отбрасывало на дома и деревья абрикосовые отблески, в воздухе потягивало дымом и перепревшим навозом, слышался отдаленный лай собак и репродукторная музыка. Большие Холмы казались довольно приятным и ухоженным местом – «поселком средней степени цивилизованности», как определил его про себя Сергей.

Подошел Эдик, стрельнул сигаретку. Сергей незамедлительно протянул ему пачку «Космоса». Потом замялся и вдруг неожиданно для себя выдал нудящим голосом:

– Слушай, Эдуард, а ты не мог бы показать мне дорогу до той деревни?

– Какой деревни?

– Ну, до Осин…

Пауза. За время этой паузы Эдик успел наполовину скурить сигаретку и нагнать на себя неуютную серьезность, многозначительно морща красноватую кожу вокруг слезящихся глаз, кривя сизые губы и с шумом выпуская дым из ноздрей. Сергей покорно-терпеливо ждал. Наконец, Эдик забычковал «космач», заботливо поплевав на него; осторожно схоронил бычок в пиджачном кармане и пробурчал:

– Знаешь что, Серёг, – тебя ведь Серёга звать, да?.. Конечно, в Осины эти можно было б съездить – так, для интересу… Но, понимаешь… – Эдик заворочал кожей уже на лбу, словно пытаясь выдавить из него какую-то не совсем обычную мысль, – короче, Серёг, на х.й тебе все это сдалось? Я, конечно, ничо, тебя не отговариваю, ты мине никто… Просто у меня случай тогда тот был, и я, Серёг, заррёкся туда ездить, заррёкся…

– А если, это… ну, не задаром… – Сергей еле удерживался от того, чтобы не залезть в сумку, где у него лежали две бутылки – «Монастырская изба», намеченная в оприходование в день вступления в право владения дедовым наследством, и бутылка «Столичной», захваченная просто так, на всякий случай – который, похоже, и наступал.

– Ну… не задаром? Эт как? – неестественно подхихикнул Эдик.

Сергей облегченно завозился в своем багаже, извлекая жертвенную «Столичную» (и попутно зарывая поглубже вино).

– О-о, ну-у, эт дело… – умиротворенно замычал было Эдик, быстро, впрочем, спохватываясь:

– Ох, а дорога-то какая туда хреновая… Не, я ничо, конечно, ничо… Мог бы проводить, даже довезти бы мог… Но только, вот, эт-самое, ну-у… Понимаешь… Место такое…

Последовало еще пять минут рассуждений в подобном роде, завершившихся вручением пятисотрублевой бумажки – с одной стороны и обещанием подкинуть до загадочной деревни на мотороллере – с другой. Выпросив у учителя еще одну сигарету, Эдик как будто успокоился и вернулся в свое обычное расположение духа:

– Ладно, Серёг, договорились. Пошли щас ко мне – переночуем, а завтра прям с утра и поедем. Скоро все равно стемнеет. Ночью-то там делать нечего. А чо? Сёдни посидим, поужинаем, тудым-сюдым, флакончик раздавим, а завтра с утрячка-с бодрячка в Осины, а?

Сергей понял, что ненавязчивое предложение «раздавить флакончик» касается обещанной им пол-литровки. И нельзя сказать, что Сергей пришел от этого в восторг: он-то планировал вручить Эдику данный гонорар после поездки… Упрекая себя за поспешность и незнание жизни, Сергей в конце концов согласился.

– Ладно, пошли к тебе. Только давай не засиживаться, чтоб завтра встать пораньше…

– Да кто будет засиживаться?! Посидим-поужинаем – и бай-бай, а завтра с утрячка-с бодрячка…

Пока они шли через село, Сергей, – правда, не придав этому должного значения, – обратил внимание на примечательный факт: с Эдиком никто из односельчан не здоровался. Более того, встречные смотрели на него почти с неприязнью, а некоторые даже оглядывались и что-то вслед бормотали. Лишь однажды в ответ на Эдиково приветствие прозвучало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.